

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
4 (67)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 9

ИЗ ИСТОРИИ ЕГИПТОЛОГИИ В РОССИИ¹

Первая русская диссертация по древнеегипетскому искусству

В Московском государственном университете, в этом старейшем наряду с Академией наук научном центре нашей страны, почти 140 лет тому назад была подготовлена, защищена и напечатана первая русская диссертация об искусстве древнего Египта. Несмотря на то что эта книга имеется в научных библиотеках Москвы и Ленинграда, она оказалась совершенно забытой. Напомнить об этой работе и сообщить немногие сведения, которые удалось найти об ее авторе, — таковы задачи настоящей заметки.

В 1818 г. питомец Московского университета Павел Васильевич Уланов, окончивший курс кандидатом, был удостоен степени магистра словесных наук за представленную работу о древнеегипетском искусстве.² Напечатанная тогда же в Университетской типографии, она имела довольно длинное название: „Рассуждение об отличительных свойствах памятников египетских и о том, почему знаменитейшие из новейших художников не берут их себе за образец, сочиненное Павлом Улановым для получения степени магистра при императорском Московском университете“.

О самом П. В. Уланове известно пока очень немного, да и то преимущественно из его послужного списка.³ Родился П. В. Уланов 25 мая 1794 г. и, по-видимому, был сыном саратовского помещика.⁴

¹ Первые две статьи из ряда подготовленных мною публикаций о египтологии в России были опубликованы в „Очерках по истории русского востоковедения“ (т. 2. М., 1956, стр. 207—231).

² С. Шевырев. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1866, стр. 461.

³ Архив министерства государственных имуществ. I. Систематическая опись делам бывшего V-го отдела собственной его имп. величества канцелярии. 1824—1856. СПб., 1887, № 103, арх. № 570. В настоящее время находится в Центральном историческом архиве в Ленинграде (ф. 379, д. 26264, лл. 13 и сл.).

⁴ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I. СПб., 1886.

Окончив Ярославское Демидовское высших наук училище в 1816 г. со званием кандидата, он поступил в Московский университет, где проучился два года. В 1818 г., т. е. в год окончания университета и получения степени магистра, его избрали в сотрудники Общества любителей российской словесности при Московском университете.¹ Однако спустя семь месяцев он уже был отмечен в протоколе выбывшим.²

П. В. Уланов покинул Москву и определился столоначальником в Новгородскую казенную палату. Однако здесь он оставался недолго и в мае следующего 1819 г. уволился „по собственному желанию“. Его чиновничья деятельность возобновилась только в 1823 г. и продолжалась затем без перерыва до смерти. Служил Уланов по ведомству Министерства финансов и Министерства юстиции в Вятке, Вологде, а с 1835 и чиновником особых поручений при Виленском генерал-губернаторе. В 1838 г. он был перемещен в Министерство государственных имуществ, а в 1842 г. мы находим его в 1-м отделении собственной императорской канцелярии, учрежденном в 1836 г. для управления казенными крестьянами С.-Петербургской губернии. Там он исправлял должность производителя дел в чине статского советника³ и председательствовал в Комиссии для общего обозрения государственных имуществ. Служил П. В. Уланов очень старательно, занимался „чрезмерно и усердно“, неоднократно получал награды. Умер П. В. Уланов 10 октября 1846 г.⁴ действительным статским советником, т. е. в генеральском чине, и поэтому извещение об его кончине, как об „особе, принадлежащей к первым четырем классам“, было помещено в „С.-Петербургских ведомостях“.⁵

Таким образом, П. В. Уланов, надев чиновничий мундир и став ревностным служакой, направил все свои помыслы и усилия на получение чинов и орденов и совершенно отошел от интересов и идеалов юности. А именно они-то и интересны для нас.

В те годы политические и исторические судьбы стран Востока привлекали внимание общественности. Интерес вызывала также история, культура и письменность древнего Египта. Этому способствовали

¹ Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете. Часть XII. Летопись Общества. Год III. М., 1818, стр. 40, Заседание 34, 30 марта 1818 г.

² Там же, стр. 132, Заседание 38, 26 октября 1818 г.; Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911, стр. 293.

³ Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи, на 1846 год. СПб., стр. 11.

⁴ Петербургский некрополь, т. 4. СПб., 1913, стр. 321. Судя по Азбучному указателю имен русских деятелей, Сборник Русского исторического общества, т. 62, СПб., 1888, стр. 371, заметку о П. В. Уланове предполагали включить в Русский биографический словарь, издаваемый этим обществом. Однако том на букву „У“ не был издан.

⁵ № 231, от 12 октября 1846 г.

различные труды, появившиеся после похода Наполеона в страну пирамид, и ожесточенные споры, разгоревшиеся вокруг дешифровки иероглифов. Египетское искусство вызывает многочисленные подражания и оказывает некоторое влияние на стиль ампира как в сфере прикладного искусства, так и в архитектуре. Нам достаточно вспомнить „египетские“ вазы, изготовлявшиеся тогда фарфоровым заводом в Петербурге, мебель в стиле „египетского ампира“, „Египетские ворота“ в Пушкине (Детском селе) или вестибюль дворца в Павловске.

Остановимся вкратце на содержании диссертации П. В. Уланова, занимающей неполные тридцать страниц текста. Древнейшим искусством является искусство Египта. В Египте оно достигло высокого совершенства, потому что эта страна „долженствовала иметь некогда продолжительный период времени, в который разум человеческий преодолевал все преграды, развивался постепенно и свободно“ (стр. 6). Однако искусство Египта значительно уступало античному, „оставаясь при грубом и ненатуральном стиле“.

Всю историю искусства Египта П. В. Уланов разделяет на два периода: древнее искусство до похода Камбиса и новое — синкретическое, эллинистическое. Его занимает только первое, причем преимущественно скульптура. Автор на основании доступных ему памятников анализирует отличительные признаки стиля древнеегипетской скульптуры и приходит к выводу, что ему были чужды „идеальная красота, легкость и плавность обрисовки, полнота и округлость форм“ — словом все то, к чему стремились греки. Он находит египетское искусство „мертвым и бездушным“, более того, по его мнению, „лицо и все части древних статуй египетских“ лишены всякой красоты и даже „безобразны“ (стр. 17). Свои суждения о скульптуре автор распространяет и на архитектуру Египта. Он даже отрицает в ней следование правилам пропорции. Развитию ваяния и искусств вообще, по мнению П. В. Уланова, препятствовало египетское законодательство, так как оно ограничивало творчество художников изображением только определенных лиц и по „идеалам“, от которых они не могли уклоняться, стремясь только к двум основным достоинствам: огромности и прочности.

Затем Уланов излагает свои взгляды на задачи искусства, чтобы ответить на вопрос, почему современные ему художники не подражают древнеегипетским. Цель художника „есть всегда высокая, благородная, имеющая тесную связь с благими видами попечительного правительства. Вселять любовь к порядку и добродетели, ненависть к пороку, внимание к странности — вот достойное намерение честного человека, принимающего за перо, кисть или резец. Дело художника прославлять, передавать вечности знаменитые и великие подвиги“. Далее Уланов спрашивает: „Достигли ли сей высокой цели художники египетские? По крайней мере в отношении к ним ответ должен быть отрицательный“ (стр. 26). Египетские художники должны были следовать строго уста-

новленным правилам и канонам. Они сами часто не понимали того, что изображают. Непонятно это и современному зрителю, незнакомому с таинствами египетской религии, запечатленными в неразгаданных иероглифических надписях. Поэтому памятники египетского искусства могут быть интересны только историку или археологу. Они недостойны подражания. Учиться следует у греков.

Взглядам П. В. Уланова присуще как чрезмерное увлечение античностью, так и недооценка эстетического значения памятников египетской скульптуры и архитектуры. Последнее в значительной мере объясняется тем, что в распоряжении ученых находились тогда очень немногие памятники древнеегипетского искусства и притом далеко не самые совершенные — преимущественно позднего времени, ознаменовавшегося упадком и вырождением.

Пусть в „Рассуждении“ П. В. Уланова много ошибочного, ложного, наивного, для нас совершенно неприемлемого. По меньшей мере антиисторично было бы оценивать его работу с точки зрения современных требований науки, во всеоружии наших знаний и методов. Все же для истории науки, для египтологии работа П. В. Уланова не лишена некоторого интереса, а дальнейшее и всестороннее изучение взглядов автора и его биографии несомненно должно быть продолжено.

I. S. Kaznelson

MATERIALS ON THE HISTORY OF RUSSIAN EGYPTOLOGY

The first Russian dissertation on ancient Egyptian art

The article is devoted to the old-forgotton work of P. V. Ulanov, the Master of Arts in the Moscow University, which is the first Russian dissertation on ancient Egyptian art.

It gives some biographical data about Ulanov and analyses esthetic ideas of the egyptologist.
